

ПЛЮРАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ» А. КУРБСКОГО

Анотація. Аналіз численних плюральних форм називного відмінка іменників, котрі зафіксовані у тексті XVI ст., дозволив автору статті зробити висновок про руйнування церковнослов'янської норми на всіх рівнях мовної структури і зумовлену цим необхідність урахування особливостей іменникових парадигм у програмі дослідження мови старожитніх пам'яток.

Ключові слова: діглосья, іменник, норма, парадигма, плюральні форми, церковнослов'янська мова.

Summary. The analysis of variety of plural nominative nouns, which fended in the text of a 16 age, allowed the author conclusion about destruction Church Slavonic norms at all linguistics levels and consequently – about the necessity of account to nominal paradigms features in the ancient and old Russian books tradition.

Key words: dyglosyua, noun, norm, paradigm, plural nouns forms, Church Slavonic language.

Настоящая статья продолжает начатый нами цикл публикаций, посвященный анализу грамматических особенностей как факторов, определяющих языковой статус древнерусского текста [11; 12]. Заняться указанной проблемой нас побудили несколько причин: 1. Возрождение в конце XX — начале XXI вв. гипотезы о церковно-славянском языке как литературном языке русского Средневековья;

2. Абсолютизация грамматического уровня, на котором, по мнению сторонников гипотезы о церковнославянско-русской диглоссии в Древней Руси, отчётливее всего проявляются признаки этой языковой ситуации, в то время как «лексический уровень в целом остаётся недифференцированным в плане противопоставления русского и церковнославянского языков» [10: 5-10, 14];

3. Выделение 6 грамматических признаков (реализация системы прошедших времён, формы двойственного числа, а также способы оформления условных, целевых, временных и императивных конструкций), позволяющих, по мнению М.Л. Ремнёвой, определить особенности грамматической нормы деловых памятников, тяготеющей к живому разговорному языку, и памятников других жанров древнерусской письменности, язык которых квалифицируется как церковнославянский, имеющий два типа нормы — более строгую (жития) и сниженную, допускающую разговорные элементы (летописи) [9: 6, 19-24, 308], или, в концепции В.М. Живова, подразделяется на два регистра — стандартный и гибридный [2: 16].

Мы уже предпринимали попытку на материале отрывков из «Повести временных лет» (списки XIV-XV вв.) и из «Истории о великом князе Московском» А. Курбского (список начала XVII в.) показать, что программа, включающая всего 6 грамматических признаков, не может быть признана исчерпывающей для выявления своеобразия языка памятников древне- и старорусской письменности [11; 12]. По нашему мнению, количество грамматических признаков должно максимально полно отражать своеобразие синтаксической и морфологической структуры текстов, не говоря

уже о необходимости учёта данных других языковых уровней, лексического прежде всего. В этой связи заслуживает внимания замечание В.М. Живова о том, что обмен информацией немислим без лексики и синтаксиса, а морфология имеет полупаразитический статус, являясь только технологией коммуникативной деятельности. Морфологическим изменениям, считает исследователь, присущ специфический характер самопроизвольного обновления системы, отвечающего её внутренним потребностям, но никак не связанного с культурным развитием коллектива [2: 9-11]. Тем не менее, при выработке единой программы анализа памятников письменности, без чего, по мнению Ф.П. Филина, невозможно создать полную историю русского литературного языка [13: 3], учёт морфологических параметров текста весьма актуален.

В данной статье представлены некоторые результаты нашего исследования инноваций в системе плюральных форм имён существительных мужского рода (преимущественно бывших основ на *ǫ, *jǫ), зафиксированных в тексте «Истории о великом князе Московском» (далее – История) А. Курбского [7]. В окончательном виде История А. Курбского сложилась, видимо, к 70-м гг. XVI в., к 1573 г., когда Иван Грозный претендовал на польский престол. Сохранилось около 70 списков этого памятника в 4-х редакциях. Самые ранние списки датируются первой половиной XVII в. В основу опубликованного текста (сначала в 1914 г., а затем с исправлениями в 1986 г.) положен список Полной редакции первой трети XVII в. [7: 607].

Языку Истории А. Курбского уделялось недостаточно мало внимания прежде всего потому, что её автор, умный знатный сановник, не только бежал в Литву, но, по словам Н. М. Карамзина, предав свою честь и душу, советовал врагам Отечества, как губить Россию (Ср., например, два его похода на русские земли с 70- и 15-тысячным войском соответственно) [5: 690-691]. Д. С. Лихачёв отмечал, что «История о великом князе Московском» А. Курбского не участвовала в русском литературном процессе XVI в., так как не была известна на Руси, тем не менее она является ярким выразителем ос-

новных тенденций, характерных для русской литературы этого периода, ломки традиций в частности. Начав своё сочинение в стиле антижития, автор вышел за рамки жанровой системы древнерусской литературы, создав многожанровое и многоплановое произведение [7: 11], что не могло не сказаться на своеобразии его языка. По мнению А.А. Цеховича, составителя комментариев к анализируемому тексту, История А. Курбского, «написана на московском варианте церковнославянского языка» [7: 606]. Однако, анализируя язык данного сочинения, необходимо учитывать то, что оно завершено почти через 18 лет с момента эмиграции автора и что эти годы он прожил в языковой среде, несомненно отличающейся от языковой среды Московской Руси. Текст Истории даёт основание говорить о Курбском как о наблюдательном и толковом филологе. При описании взятия Казани он несколько раз подчёркивает лексические различия между русским и татарским языками. Ср.: *царь казанский... застоновился на Тезицком рве, по-нашему – на Купецком* [7: 252]. По-нашему в данном примере – это по-русски. Представленные в Истории украинизмы и полонизмы обычно объясняются в сносках (*катов – мучители* [7: 332]), но наибольший интерес представляют глоссы в тексте, поскольку в них русский язык отчётливо противопоставляется языку Юго-Западной Руси и квалифицируется как *их* язык, т.е. язык Московского государства: *Потом питаша его величье гордые паны – по их языку боя – рове*

[7: 222]; ...*с стремнинъ высокихъ мечуще ихъ – а по их языку с крылецъ або с теремовъ* [7: 222]; *обрел хранину... зело високу, по их же обыкновенному слову нарицают еѣ повалоша* [7: 348] и др.

Необходимо учитывать также то, что А. Курбский был прекрасным знатоком Священного Писания, которое в тексте его сочинения цитируется довольно часто. Он даже составил сборник своих переводов с латинского языка на русский произведений Иоанна Златоуста («Новый Маргарит») [7: 608].

Таким образом, рассматривая язык Истории А. Курбского, исследователь соприкасается с целым рядом недостаточно изученных проблем, что, с одной стороны, усложняет лингвистический анализ, а с другой – свидетельствует о многогранности научного потенциала материалов этого памятника. В статье с заданным объёмом, конечно, невозможно решить даже часть из перечисленных проблем, но при обработке фактического материала мы постоянно имели в виду совокупность факторов, оказывающих влияние на язык сочинения А. Курбского. Цель данной статьи – определить характер инноваций в группе плюральных форм именительного падежа существительных мужского рода и оценить потенциал их возможного влияния на статус языка анализируемого памятника. В таблице 1 представлена вся плюральная парадигма, зафиксированная в сочинении А. Курбского, и указаны источники инноваций:

Таблица 1

Флексии существительных с основой на *ǫ, *jǫ во мн. числе

Падежи	Флексии основ на *ǫ, *jǫ		Источники инноваций			
	исконные	инновации	*ǫ, *jǫ	*ā, *jā	*ǫ	*j
Им.	-и	-ы	-ы	-ы?		
		-ие				-ие
		-ове			-ове	
		-еве	контаминация			
		-овя	контаминация			
Род.	# (-ъ)	-овъ			-овъ	
		-евъ	контаминация			
		-ей				-ей (-ии)
Вин.	-ы	-и	-и			
		-овъ /-евъ	-овъ/-евъ			
		-ей	-ей			
Дат.	-омъ	-амъ/-ямъ		-амъ		
Твор.	-ы/-и	-ами/-ями		-ами		
Местн.	-ѣхъ	-ехъ				-ехъ (-ѣхъ)
		-ахъ/-яхъ		-ахъ		

Как показывает таблица 1, инновационные явления отмечены во всех падежах, но наибольшее количество вариативных флексий зафиксировано в И. п., а также в Р. п. и В. п. Формы именно этих падежей обладают наиболее высокой частотностью своего употребления. В.В. Колесов относит их к категории грамматических падежей, образующих костяк системы склонения. По своей функции они противопоставляются обстоятельственным падежам – Т., Д. и М., имеющим конкретные значения [6: 244]. В данной статье, как указывалось выше, мы проанализируем только формы И. падежа.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретного материала, отметим, что изменение плюральной парадигмы в древнерусском языке принято сводить к 2-м противопоставленным, но логически взаимосвязанным тенденциям – **морфологизации рода**, т.е. преобразованию его из синтаксической категории в словоизменительную, и **деморфологизации рода**, т.е. устранению родовых различий. Первая тенденция, общеславянская по своему характеру, началась ещё в праславянский период и была актуальна для всех числовых парадигм. Вторая тенденция, связанная с унификацией чисто плюральных парадигм путём устранения родовых различий, наиболее характерна для восточнославянского ареала. Её действие активизируется в XII – XIII вв., однако массовое проникновение новых плюральных форм в письменность происходит только в XVII в. [3: 274-276]. В становлении плюральных форм И. п. ведущим направлением было развитие номинативно-аккузативного синкретизма, проявляющееся как во внутрипарадигмальном, так и в межпарадигмальном взаимодействии форм И. и В. падежей, начавшемся ещё в дописьменный период [3: 163-165]. Кроме того, унификация форм указанных падежей переплеталась с влиянием мягкого варианта на твёрдый (в ряде говоров) или с возобладавшим в итоге влиянием твёрдого варианта на мягкий. Всё это способствовало возникновению весьма многочисленного и пёстрого набора номинативно-аккузативных форм.

Принято считать, что в исходной системе формы И. и В. падежей имён существительных м. рода с основой на **ǫ* **jǫ* ещё различались в твёрдой (-*у/-ы*) и мягкой (-*ѣ*) разновидностях склонения. В Истории А. Курбского словоформы с флексией –*ѣ* не зафиксированы. Определяя генезис флексий –*у/-ы* в тексте XVI в., нельзя не учитывать фонологические процессы, приведшие к объединению [и] / [ы] как вариантов одной фонемы, и связанный с этим переход сочетаний –*гы*, –*кы*, –*хы* в –*ги*, –*ки*, –*хи*. Поэтому формы типа *духи*, *корыстовники*, *мученики*, *навѣтники*, *полки*, *снеги*, *стратиги* и под., утратившие мягкие свистящие после разрушения 2-й палатализации, мы относим к числу инноваций, отражающих влияние В. п. Ср.: *мученици* (исконная форма И. п.) > *мученикы* (генетическая форма В. п.) > *мученики* (фонетически преобразованная форма В. п.).

С фонетическим процессом отвердения [ц'] связаны словоформы *башкирцы*, *отцы*, *сродницы*,

старцы, *стрельцы*, *человѣцы*, *шанцы*. Здесь выстраивается такая цепочка форм: *старци* (исконный И. п.) > *старцѣ* (генетическая форма В. п. мн. числа) > *старци* (влияние твёрдой разновидности **ǫ*-склонения) > *старцы* (отвердение [ц']). Единичными примерами в группе номинативно-аккузативных форм представлены случаи, отражающие слияние фонем [и] / [ы] в юго-западных говорах. Ср.: *клещи*, но *товарыщи*.

С морфологической точки зрения, зафиксированные в анализируемом тексте флексии И. п. подразделяются на две группы, отражающие внутрипарадигмальное (1) и межпарадигмальное (2) взаимодействие. В 1-й группе в целом ряде примеров представлена исконная флексия –*и*: *аггели*, *воини*, *германи*, *гетмани*, *дияволи*, *народи*, *сенатыри*, *стани*, *стратилати* (твёрдая разновидность). Сюда же относится несколько словоформ, сохраняющих мягкий свистящий (*друзи*, *мниси*), хотя в большинстве случаев результаты 2-й палатализации уже утрачены (*мученики*, *полки*). Зафиксированы варианты формы: *мниси* / *мнихи* [7: 384]. Для словоформ мягкой разновидности типа *мужи*, *олтари*, *пенязи* возможно такое же толкование, как для словоформ на –*цы*, т.е. отнесение их к существительным с неисконным окончанием.

Внутрипарадигмальное взаимодействие представлено словоформами с флексией –*ы*, отражающей влияние В. п.: *бусурманы*, *воины*, *кашевары*, *лифлянты*, *моры*, *обѣты*, *перестрелы*, *поразиты*, *ротмистры*, *стратилаты*, *суды*, *шатры* и др. В.В. Колесов, ссылаясь на предположение В.К. Журавлёва, считает, что в соотношении *раби* – *жены* – *села* следует говорить о влиянии форм типа *жены* на существительные типа *рабы*. Тогда становятся обоснованными и формы типа *женам* – *рабам* и т.д. [6: 246]. Между тем Г.А. Хабургаев, поддерживая точку зрения большинства исследователей, отмечает установление тождества флексий И. и В. падежей во всех группах имён существительных как закономерный этап унификации плюральной парадигмы [14: 145].

Во 2-й группе, отражающей межпарадигмальное взаимовлияние, зафиксированы словоформы с флексиями –*и*е (из **ǫ*-основ) и –*ове/-еве*, развившиеся под влиянием **ǫ*-основ. Флексия –*и*е в Истории А. Курбского отмечена всего у нескольких имён существительных: *князие*, *мужие*, *царие*. Хотя унификация парадигм **ǫ*-основ и **jǫ*-основ и не была однонаправленным процессом поглощения менее продуктивной парадигмы более сильным словоизменительным типом на **jǫ*, тем не менее в И. п. флексия –*и*е заняла периферийное положение, видимо, по причине слабых родоразличительных возможностей [3: 122-123]. Ср. с собирательными существительными типа *листие*, *зелие*.

Формы на –*ове/-еве* засвидетельствованы в старославянских памятниках, что способствовало закреплению за ними статуса книжно-литературных форм, несмотря на то что флексия –*ове* отмечена в письменности разных жанров, имеющих различную территориальную принадлеж-

ность. В исходной системе древнерусского языка эти формы сравнительно широко представлены в деловой письменности, особенно на западе и юго-западе Руси, т.е. в ареале говоров, на основе которых сформировался украинский язык. Е. А. Целунова, исследовавшая язык Псалтыри 1683 г., устойчивость форм на *-ове* в указанном памятнике связывает с влиянием польского языка (переводчик Авраамий Фирсов использовал три польских текста). Ср.: рус. *народове, филистимове* и польск. *narodowie, filistymowie*) [8: 45]. Из зафиксированных в Истории А. Курбского словоформ на *-ове/-еве* (*кролевѣ, послове, сигклитове, стратилатове; врачеве*) влияние польского языка можно предположить для лексем *кролевѣ, сигклитове, стратилатове*, причём последнее существительное с окончанием *-ове* зафиксировано несколько раз. Но в целом выделить в Истории А. Курбского плюральные формы И. п., обусловленные польско-украинским влиянием, весьма трудно, поскольку основные направления изменений в юго-западных и северо-восточных парадигмах имён существительных имеют много общих черт [4: 101-102].

В анализируемом тексте отмечено несколько случаев употребления словоформы *татаровя*, флексия которой квалифицируется как вариант флексии *-ове* [1: 204].

Обращает на себя внимание наличие вариативных форм от одних и тех же существительных. Ср.: *воини/воины, мниси/мнихи* (внутрипарадигмальное взаимодействие); *мужи/мужие* (межпарадигмальное взаимодействие); *стратилати/стратилаты/стратилатове* (сочетание обоих видов взаимодействия). Проанализированный материал даёт основания для вывода о системной вариативности форм И. п. в тексте Истории А. Курбского. Это подтверждается и словоформами других типов склонения. Ср.: *властели, губители, мучители, писари, прародители, но ласкателие; християне, християнѣ и християня* (разносклоняемые); *вельможи и воеводове*

(основы на **ā, *jā*); *мѣста, стада, воевания, дѣла* и *дѣлы, правила, даровании, облаки* (ср. род основ на **ǫ, *jǫ*), причём словоформы *дѣла/дѣлы* в значении «пушки» отличаются высокой частотностью своего употребления; *княжата, словеса* и *словесы* (основы на согласный) и т.д. Приведённые примеры убедительно показывают, что ещё в XVI-XVII вв. граммема И. п. обслуживалась целой серией флексий (*-и, -и/-ы, -ие, -ове/-еве, -е*), хотя уже в конце общеславянского периода категория рода по сравнению с категорией склонения становится более широкой и всеобъемлющей. По мнению В.В. Колесова, реальной системы – парадигмы языка – древнерусская мысль не знала [6: 224-225]. В.М. Живов считает, что воспроизводимость морфологических параметров в этот период ничем, кроме преемственности навыков письма в рамках определённой традиции, объяснить нельзя [2:116]. В древнерусском языке словоформа была контекстна. Становление парадигмы, свидетельствующее о повышении уровня системности в языке, шло постепенно, причём формирование системности в русском языке происходило параллельно на всех уровнях [6: 225]. Зафиксированные в Истории А. Курбского инновации в области прошедших времён глаголов и действительных причастий в предикативной функции проанализированы нами в [11 и 12]. И хотя проникновение инноваций в памятники письменности значительно отставало от языковых процессов живой разговорной речи, тем не менее, они последовательно разрушали старую норму, связанную с церковно-славянским языком. Поэтому квалифицировать язык Истории А. Курбского и других оригинальных памятников XVI-XVII вв. как церковно-славянский, на наш взгляд, нет никаких оснований. Проанализированный нами материал хорошо иллюстрирует сложности процесса нормализации морфологической системы, для которой, видимо, даже теоретически невозможны однозначные решения ввиду многочисленности её компонентов.

Литература

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка / Клавдия Васильевна Горшкова, Георгий Александрович Хабургаев. – М.: Высшая школа, 1981.
2. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII – XVIII веков / Виктор Маркович Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2004 (Studia philologica).
3. Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. Крысько В. Б. Т. 1: Множественное число именного склонения / С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2000.
4. Історія української мови: морфологія / В.В. Німчук, А.П. Грищенко, М.А. Жовтобрюх, В.М. Русанівський, І.П. Чепіга. – К.: Наукова думка, 1978.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского / Карамзин Николай Михайлович. – М.: Эксмо, 2007.
6. Колесов В.В. История русского языка: Учебн. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.В. Колесов. – СПб.; филолог. ф-т СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005.
7. Курбский Андрей. История о великом князе Московском / Андрей Курбский // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 218–399.
8. Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование / Предисл., исслед., подгот. текста и сост. словоуказ. Е. А. Целуновой. – М.: Языки славянских культур, 2006 (Памятники славяно-русской письменности. Новая серия).

9. Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. / Ремнёва Марина Леонтьевна. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2003.
10. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI — XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. / Успенский Борис Андреевич. — М.: Аспект Пресс, 2002.
11. Устюгова Л. К вопросу о единой программе исследования языка памятников древнерусской письменности / Людмила Устюгова // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. — 2008. — Випуск 18. — С. 89-95.
12. Устюгова Л. К вопросу о содержании термина «церковно-славянский язык» (в печати) // Східно-лов'янська філологія: Збірник наук. праць. — Вип. 15. Мовознавство. — Горлівка, 2008. — С. 13-24.
13. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Федот Петрович Филин. — М.: Наука, 1981.
14. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка: имена / Хабургаев Георгий Александрович. — М.: Изд-во МГУ, 1990.